

своего из темницы. „Но, — сказал, — не надобно тебе печалиться, естли приму я меры дабы впредь не было помешательства к нашему свиданию“. Сии последние слова предсказывали ей ту печальную судьбину ее мужа, которую нашла она исполненну по приказанию губернаторскому, когда пришла она в темницу». <sup>38</sup> У Новикова сюжет лишается своего центрального, узлового, присутствующего во всех версиях эпизода: жена арестованного и приговоренного к смерти купца не обращается к правителю с просьбою о помиловании, а соответственно не получает от него гнусного предложения и не жертвует своей честью ради спасения мужа. Со своей стороны, Баязет рассчитывает, казнив мужа и устранив тем самым главную помеху своим вожделениям, добиться со временем их удовлетворения: «По приезде из Испагани купца в дом, по оговору некоторых плутов, взят был в суд и посажен в тюрьму, а чрез несколько дней скончал невинно жизнь свою на эшафоте, уповая тем овдовевшую преклонить на свою сторону» <sup>39</sup> и восторжествовать над прелестными ее красотами» (Н I, 156). И в очерке из «Зрителя», и в рассказе Новикова казнь совершается с одинаковым заранее составленным намерением — и это является основанием считать второй зависимым от первого, так как издававшаяся только на английском языке (впервые — в 1581 году) новелла одного из предшественников Шекспира писателя Томаса Луптона (Lupton), где жестокое вероломство получает такое же объяснение, русскому компилятору не могла быть известна, а в других вариантах сюжета подобная мотивировка отсутствует, хотя в некоторых имеется мотив желания продолжить встречи с обманутой просительницей. Например, в новелле Чинтио, стоящей у истоков широкого распространения этого сюжета, наместник Джуристе предполагает, что «сможет обладать этой девушкой так, словно она уже была его женой и словно он вернул ей брата живым»; но эта надежда рождается у него уже после доклада тюремщика о том, что Эпития «не проявила никаких признаков неудовольствия при виде столь ужасного зрелища», <sup>40</sup> а сам коварный его поступок такого замысла под собою не имел.

В некоторых деталях угадываются следы каких-то иных литературных произведений, находившихся в поле зрения Новикова. К ним относится, например, пришедшая распаленному порочной страстью губернатору мысль, «чтоб по утру рано послать к мужу той красавицы и под видом нужного государственного дела заслать в дальней город, а потому чтоб он к нему тот же час явился; но сказано, что поехал с караваном в Испань» (Н I, 154), тогдашнюю столицу Персии. Пользуясь удобным моментом, «помешанной умом седой любовник» является в его дом и домогается желаемого, а получив решительный отпор, «засылал многих с великими дарами и письмами о принятии его в число первого по муже солубовника» (Н I, 156). В похожей ситуации находятся персонажи третьей новеллы «Гептамерона» Маргариты Наваррской. Неаполитанский король Альфонс V (о котором уже шла речь в связи с рассказом о шуте

<sup>38</sup> Праздное время, в пользу употребленное 1760 [Ч 4] 9 сент С 173–174

<sup>39</sup> Языковая небрежность Новикова

<sup>40</sup> Итальянская новелла Возрождения / Сост А Эфроса М., 1957 С 508–509